

Мне кажется, что рубеж этот лежит в соотношении степеней владения первым и вторым языком. Наивно было бы искать математически точную границу, считать, например, что двуязычным становится человек, усвоивший такое-то определенное количество слов и грамматических правил второго языка. Вместе с тем граница существует, потому что вряд ли придет кому-нибудь в голову считать двуязычным того, кто запомнил всего лишь несколько слов или стандартных иноязычных фраз. Но ведь должно же нарастание количества где-нибудь привести и к изменению качества! Безусловно должно, однако не само по себе, а лишь в той мере, в какой оно приводит к возможности свободного и универсального пользования языком» [2].

Со времени выхода в свет работы В. А. Аврорина прошло около десяти лет. В отечественном языкознании появилось немало трудов, в которых теоретически и практически анализируются вопросы национально-русского двуязычия, наиболее распространенного в нашей стране. Следует при этом констатировать, что в различных научных трудах названное понятие получает свое определение на основе того или иного признака (признаков). З. У. Блягоз отмечает, что многообразие толкований обусловлено многосторонностью самого явления как объекта научного исследования, возможностью его изучения в пределах относительно самостоятельных дисциплин: «Двуязычие, возникшее еще в глубокой древности, — проблема сложная и многоаспектная, — представляет одновременно явления и социального, и лингвистического, и психологического, и педагогического, и методического плана. Видимо, поэтому в лингвистической литературе еще нет общепринятого, однозначного определения данного понятия» [3].

Вместе с тем рассмотрение поставленного вопроса не может быть ограничено категориями «количества» и «качества» как формальными категориями. Если «количество» подразумевает накопление иноязычной лексики и иноязычных грамматических правил, то «качество» подразумевает оценку — причем оценка относится уже не к накопленному лингвистическому достоянию, а к его реализации. Следовательно, здесь совершается переход (в некотором смысле даже скачок) от языковой системы в ее усвоенных единицах и звеньях к их речевому воплощению. В то же время между «количеством» и «качеством» (в понимании, предложенном В. А. Аврориным) нет безусловной зависимости: ведь «количество» не обязательно и далеко не всегда в данном случае переходит в «качество», ибо на речевом уровне вступает в силу действующая норма во всем многообразии своих требований. А, как известно, отступления от нормы могут проявляться и при минимальном «количестве», и при максимальном, причем во втором случае при известных условиях опасность нормативных нарушений бóльшая, чем в первом случае. Подлинная же ценность накопленных билингвом ресурсов второго языка в целом определяется речевой коммуникацией. Точнее, значимость категории количества в языковой системе проверяется общественной речевой практикой. И та же речевая коммуникация позволяет определить качество и степень владения билингвом неродным языком. В сущности то, что В. А. Аврорин называет универсальным использованием неродным языком, составляет вторую сторону билингвизма, характеризующегося признаком гармоничности, так как именно универсальное пользование снимает дифференциацию по степени владения между родным и неродным языком.

Из сказанного следует, что уже на самом начальном этапе усвоения русского языка в национальной школе необходима нормативно-стилистическая ориентация материала. Она должна быть основана не только на характеристиках отдельной единицы как элемента языковой системы, но и на характеристиках данной единицы как элемента функционально-стилистической структуры, рекомендуя ее использование в определенных типах и формах речи.

Не касаясь методических проблем преподавания русского языка, все